

ηΡΟΛΟΣ

Минск, сентябрь 1998 года

В длинном доме, закрученном улиткой, снова отключили свет. Двенадцать лет назад на окраине Минска его построили наскоро, чтобы успеть разместить переселенцев из зараженной зоны ЧАЭС: подгоняли рабочих, складывали этажи из бетонного конструктора, но совсем забыли позаботиться о хорошей проводке. Ее то и дело коротило, пробки в щитках выбивало, а вечерами, когда жители возвращались с работы, дом часто лишался электричества от перегрузок на сеть.

Густую темноту комнаты разбавляли свечи разной формы: вытянутые, тонкие, сплюснутые, широкие и даже в форме тельца, символа прошлого года. Они

освещали стены, заставленные скрипучими шкафами и сервантом с лакированными дверцами. Такие можно было встретить почти в каждой квартире этого дома: выдавали по талонам. Ковер неприятно покалывал голые ступни Вероники, пахло парафином, сладкой жвачкой «Турбо» и кислым яблочным «Юпи», замешанным в стаканах. Женя привез из Германии целую упаковку цветных пакетиков, но мама запретила такое пить, поэтому он спрятал добычу у двойняшек Рóкаш и с удовольствием вливал в себя кислотную жижу, приходя в гости.

— А мошет, вызовем матного гномика? — раздался голос Тани, соседской девчонки с толстой косой пшеничных волос, ушами, чуть заостренными, как у эльфа, и блестящими брекетами, которые поставили на днях. Из-за них Тане было сложно выговаривать буквы «С», «Ч» и «Ж».

Они сидели вчетвером на цветастом ковре вокруг новенького двухкассетного магнитофона. Женя с восторгом разглядывал хромированные кнопки, протягивал руки и отдергивал. Двойняшки, Влад и Вероника, одновременно покосились на него, не понимая, что в этом такого: очередная безделушка, которой отец пытался откупиться от них.

— Это все вранье! — угрюмо отозвалась Вероника. — Ни Пиковая дама, ни матный гномик, ни даже конфетный — не приходят.

— Эй, ты же говорил, что видел конфетного! — Женя недоверчиво покосился на Влада.

Тот невинно улыбнулся, пожал плечами и смахнул темную прядь, упавшую на лицо. Влад сверкнул большими синими глазами, достал из пластиковой коробки пустую кассету, вставил в отделение для записи, щелкнул крыш-

кой. Затем включил фонарик и направил свет снизу вверх на острый подбородок: тени на лице удлиннились, Влад намеренно понизил рано сломавшийся голос и заговорил, подражая Фредди из «Кошмара на улице Вязов».

— По темной-темной улице, в темном-темном городе к девочке ехал гроб на колесиках...

По спине Вероники пробежал холодок, а ладошки вспотели. Видя, как девочки вздрогнули, а их глаза округлились, Влад громко крикнул: «Бу!» — и толкнул Женю. Тот коротко вскрикнул. Влад залиvisto захохотал, девочки тоже прыснули от смеха.

— Не смешно! — Женя обиженно толкнул его в ответ.

— Ладно, не буду вас больше пугать. — Влад махнул рукой. — Я придумал кое-что поинтереснее. Сейчас мы будем по очереди рассказывать о самом страшном сне, а я запишу разговор на кассету. Говорят, если включить потом задом наперед, то можно услышать голос демона, который приходил в кошмаре.

Таня хлопнула в ладоши и придвинулась к Владу поближе. Вероника закатила глаза и сделала вид, что ее тошнит. Неужели Таня слепая и не видит, какой Влад болван? Женя сочувствующе улыбнулся.

— Давайте я первая. — Таня протянула руку Владу.

Он передал фонарик, она направила свет на лицо, тонкий палец с обгрызенным ногтем коснулся блестящей кнопки записи и втопил ее вглубь. Колесики кассеты пришли в движение, а Таня заговорила тихим зловещим тоном, подражая Владу.

— Мне пришился наш штарый дом в Штриличево, я видела, как моя комната зарошла колющими куштами, а мешду ними ходили нешистики: дофомые, опивни, га-

евки... — Таня старалась придать голосу серьезное выражение, но с каждым новым словом ребятам становилось все труднее сдерживать смех. — Что смешного?

Влад первым взорвался хохотом, а вслед за ним звонко засмеялся Женя и прыснула в ладонь Вероника. Таня возмущенно скрестила руки на груди и отвернулась.

— Прости... — Вероника покраснела.

Следующим взял фонарик Женя и долго описывал сон, где паровозы ездят прямо по зданиям, взбираются по стенам, проезжают по крышам и спускаются вдоль окон. Люди в вагонах вываливаются по пути и пытаются спастись. Влад снова и снова пытался его подколоть внезапным «Бу!», но тот, наученный опытом, уже не поддавался. Потом Влад рассказал о том, как во сне он оказался в центре Минска на Немиге совсем голым, люди ходили вокруг него, показывали пальцем, смеялись и снимали на «Полароид». Фотоаппараты выплевывали одну за одной белые карточки с черными окошками, но через мгновение внутри появлялся не он, а силуэт страшной девочки с длинными косами.

Вероника внезапно поникла, затем заерзала на ковре, тербя рукав розового свитера. Горло пересохло, она залпом осушила стакан с «Юпи» и обхватила коленки руками.

— Что это с тобой? — ехидно спросил Влад и протянул фонарик, словно микрофон, и намеренно громко шепнул на ухо Жене: — Сейчас будет скучи-и-ища.

Вероника вспыхнула,хватила у брата фонарик и направила на лицо.

— Вчера мне опять приснился тот самый кошмар, — тихо начала она после внушительной паузы. Женя подался вперед, чтобы лучше расслышать. — Я открыла дверь в наш

зал: там было темно, витал фиолетовый туман, я слышала металлический лязг. Посреди комнаты прямо на люстре висела вытянутая клетка в человеческий рост, а внутри...

Пальцы Вероники еле заметно задрожали, а большие синие глаза застыли, глядя на пламя свечи. Женя увидел это и еще сильнее придвинулся.

— Так что внутри? — прошептала Таня, закрыв рот ладонями.

— Там стояла девочка. На ее костлявом теле висело потрепанное платье, фиолетовые ленты обвязывали две косички, а лицо... Лицо все никак не удавалось разглядеть, оно казалось размытым. Такое же мутное, непонятное и скользкое. Она сжимала в руке металлические часы и шептала голосом как в «Байках из склепа». Мне стало страшно, я попыталась закричать, но не смогла — голос пропал. Тогда я начала вслушиваться в то, что она говорит и разобрала: «Вы все здесь умрете, все! Часики тикают, тик-так».

Влад напрягся и испуганно посмотрел на Веронику.

— Но она же давно исче...

Из прихожей раздался шум, щелкнул замок, дверь открылась. В квартире зажегся свет, так же внезапно, как и пропал, из кухни донесся звук урчания холодильника. Влад заглянул в прихожую — на пороге стоял отец. Повяло запахом солярки и резины: он работал на СТО автослесарем. Домой возвращался всегда поздно, уставший, с черными от мазута руками и безжизненным взглядом.

Вероника тут же забыла, что еще минуту назад рассказывала о страшном сне, вскочила и полетела встречать отца. Она обняла его, рискуя тут же пропахнуть мазутом,

но это ее заботило меньше всего. Влад тяжело вздохнул, склонился над магнитофоном и быстрым движением пальца остановил запись.

Отец выглядел мрачнее, чем обычно. Что-то было не так.

— Ладно, нам, наверное, пора, — пролепетал Женя и вместе с Таней шмыгнул в открытую входную дверь, шоркая тапочками по паркету. — Всем спокойной ночи! До свидания, дядя Юра!

— Владик, Ника... — Отца явно знобило, руки тряслись, глаза бегали из стороны в сторону. — Вам какое-то время придется пожить у родителей Тани, я уже договорился.

— Что... что случилось? — выдавила из себя Вероника.

— Ничего серьезного, так, плановое обследование в госпитале.

Вероника поморщилась. Раздался всхлип, и брат убежал в комнату, закрыв за собой дверь. Внезапно глаза прожгло от накативших слез, дыхание стало прерываться короткими всхлипами — Вероника ощутила боль брата. Отец отправился в ванную отмывать безнадежно почерневшие и огрубевшие ладони, а Вероника пошла в комнату к брату. Влад сидел в полутьме на полу, подогнув под себя ноги, и раскачивался взад-вперед. В руках он теребил наручные механические часы с металлическим ремешком, которые мама подарила обоим незадолго до смерти: Владу — размером побольше, Веронике — поменьше. Мама говорила, что они всегда будут работать синхронно, как и их сердца.

Вероника тихо подошла, села рядом, приобняла брата за плечи. Его больше не трясло — он сосредоточенно

рассматривал часы с хронографом. На их задней крышке виднелась выгравированная надпись: «Время — река, но капитан всегда ты».

— Все будет в порядке, — прошептала Вероника. — Время на нашей стороне.